Очень часто семантический уровень непонимания проявляется в тех случаях, когда у человека нет тех же ассоциаций, знаний, того культурного контекста, который позволяет адекватно воспринять не только прямое, «буквальное» значение слов и выражений, но и другие, подразумевающиеся смыслы. Очень мало, например, найдется людей, которые будут думать, что не полностью понимают такой всем известный отрывок из «Евгения Онегина»:

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно.
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил. [86, т. 5, с. 11].

Действительно, что тут непонятного? Все слова ясны, разве что слово «мазурка» не очень (ясно, что танец, но какой?), общий смысл тоже очевиден. Мы даже можем вполне оценить ироничный оттенок последних двух строк — поду-

маешь, говорит по-французски, умеет танцевать и кланяться, много ли нужно ума. Между тем контекст содержит в себе определенный смысл. А состоит он в том, как пишет Ю.М.Лотман, что в приведенном отрывке «перечислены признаки, по которым светская элита отграничивала людей своего круга от "чужих "» [62, с.125]. Если мы не знаем об этом своеобразном «социальном пароле» той эпохи, то не сможем полностью понять и пушкинский текст.

Но даже в тех случаях, когда люди владеют общим культурным контекстом своей эпохи, несогласованность их тезаурусов все равно может иметь место. Она будет определяться тогда другими причинами — уровнем образования, профессией, индивидуальными особенностями. Непонимание очень ярко проявляется в восприятии терминов, иностранных слов, используемых, например, в газетах. Обычно смысл этих слов или хотя бы их оценочная окраска легко понимается из контекста, и поэтому человеку трудно осознать, что слова эти ему непонятны, что ему неизвестно их значение. Однако в прямом эксперименте реальная ситуация с пониманием значения и смысла этих слов проясняется.

В эксперименте, проводившемся в Новокузнецке, участвовало 112 человек — студенты первого курса факультета русского языка и литературы. Им предложили дать определение словам, входящим в обычную газетную лексику: бундесвер, эскалация, левые силы, курс акций, тенденция, координация, вояж, потенция, стабильность, реакционер и др. Из 1120 ответов правильными оказались 89 (7%), неточными — 426 (39%), неправильными 605 (54%). Из 112 человек не знали значения слов «вояж» — 57 человек, «координация» — 66, «либерал» — 65, 94 человека не смогли объяснить, что значит «курс акций», 58 — не дали определения понятию «левые силы». Вот некоторые примеры определений, данных участниками эксперимента:

Агентура — общество, руководимое работой; что-то вроде того, что было при Шерлоке Холмсе; управление, или контора какая-либо.

Вояж — поклажа; человек; свадебное путешествие; большая сумма.

Левые силы — малочисленные люди при расколе партии; люди антисоветских взглядов; отходники, которые отошли от основной линии партии; сторонники капиталистических идей.

Курс акций — следование определенным взглядам; денежная валюта; определенная работа по вопросам политики; выпуск денежной лотереи.

Либерал — пессимист; человек, относящийся к высшим слоям.

Вермахт — военное министерство в 30-х годах в Германии; президент в Германии; верхушка темных сил над бундесвером; главнокомандующий.

Эскалация — прекращение военный действий, свертывание; что-то военное; перенос войны в другое место [16].

Можно легко представить себе, какие искажения возможны при понимании речи человека, использующего эти слова. Такие изменения смысла, связанные с непониманием отдельных слов, при дальнейшей трансляции могут все дальше и дальше уходить от первоначальных намерений, искажаясь до неузнаваемости.

Стилистический уровень непонимания. Следующим уровнем непонимания, который может быть причиной затруднений в общении и его низкой эффективности, является уровень стилистический или синтаксический.

Человек обязан понять и, следовательно, отразить в каком-то ответе или действии только то словесное обращение, которое подчинено установленной грамматической структуре. В противном случае он вправе третировать обращающегося как невежду или иностранца, а в случае глубокого нарушения грамматики не находить смысла в его словах и, следовательно, игнорировать их.

Не только явное нарушение грамматики вызывает реакцию непонимания, но и явное нарушение стиля, некоторого соотношения между формой и содержанием сообщения. Например, следующая тирада может вызвать у слушающего в лучшем случае смех: «Показ Пушкиным поимки зо-

лотой рыбки, обещавшей при условии ее отпуска в море значительный откуп, не использованный вначале стариком, имеет важное значение. Не менее важна и реакция старухи на объяснение ее старика о неиспользовании им откупа рыбки, употребление старухой ряда вульгаризмов, направленных в адрес старика и принудивших его к повторной встрече с рыбкой, посвященной вопросу о старом корыте» [111, с.62].

Может привести к непониманию и стилевое переусложнение, когда родной язык воспринимается почти как иностранный. Пример такой ситуации, к сожалению, довольно часто встречающейся в действительности, в юмористической форме выглядит так: «Доклад кончился, и председательствующий профессор Дробыш предложил задавать вопросы. Первым поднялся Пятаков:

— Скажите, пожалуйста, ваш молоток не очень сильно трясет?

Докладчик, услышав вопрос, оторопело захлопал глазами. Его путь в науку пролег через среднюю с уклоном и высшую школы. С живым производственником он встретился впервые. Наступила томительная пауза. На помощь молодому коллеге пришел многоопытный профессор Дробыш:

— Товарищ имеет в виду, — пояснил он, — в какой степени одна из важнейших характеристик установки — вибрационная константа — соответствует условиям применения, исключающего негативное воздействие виброфактора на исполнителя.

— Вопрос понял, — облегченно кивнул головой кандидат. — Поясняю. В результате проведенных экспериментов удалось выяснить, что частотная амплитуда среднеквадратичной погрешности отклонения рабочей поверхности от мнимой геометрической оси совпадает с математическим ожиданием результата, поэтому есть все основания предполагать, что данное соответствие действительно имеет место.

Теперь захлопал глазами Пятаков. На помощь опять поспешил профессор:

— Докладчик считает, что работать молотком можно. У вас еще есть вопросы?» [38, с.86].

По сути дела, стиль сообщения, стиль коммуникации точно так же «наводит» на определение групповой принадлежности его «хозяина», как фонетика и семантика. Если стиль коммуникации определяется как «чужой», а тем более «враждебный», то понимания ждать не приходится. Существенно, что различение «своего» и «чужого» зависит не от «объективных» характеристик стиля, а от субъективных представлений слушающего. Скажем, студент первого курса университета еще не очень владеет «переводом с научного» стиля, но если он хочет стать «своим» среди ученых, он поймет научный стиль гораздо лучше, чем человек, искренне не любящий этих «очкариков с галстуками, говорящих на каком-то птичьем языке».

Важно отметить, что стиль — это не только способ словесных сообщений, но и способ достижения соответствия формы и содержания в коммуникации. В главе «Старые знакомые» говорилось о том, что понимание другого крайне затруднено в тех случаях, когда в его поведении не соответствуют друг другу, не стыкуются вербальные и невербальные элементы. Это тоже проявление несоответствия формы (невербальное, экспрессивное поведение) и содержания (информации в словах). Возможно также несоответствие избранной словесной формы тому эмоциональному содержанию, которое передается. В любом случае можно говорить о «неправильном» стиле коммуникации, который и приводит к трудностям в понимании.

Логический уровень непонимания. Еще одной причиной неэффективности общения может быть логический уровень непонимания, который вызывается неприятием одним из участников общения логики и аргументов другого. Если человек, с нашей точки зрения, говорит или делает что-то в противоречии с правилами логики, то мы его не только отказываемся понимать, но и эмоционально воспринимаем его отрицательно. При этом неявно предполагаем, что логика есть только одна — правильная, т.е. наша. Однако ни для кого не секрет, что есть и «женская», и

«детская» логика. И каждый человек живет и думает по своей логике, но вот в общении, если эти логики несоотнесены или если у человека нет ясного представления о логике партнера, о ее отличиях от собственной, тогда и «срабатывает» барьер логического уровня непонимания.

Примеров несовпадения логических правил, используемых разными людьми, достаточно много. Когда ребенок говорит, что «солнце живое, потому что оно движется», он мыслит по своей, подчиняющейся достаточно строгим законам логике. И хотя взрослого человека не убедит его аргумент и он может даже посмеяться над ним, тем не менее для детей это вполне достаточный аргумент, и они друг друга отлично понимают.

В исследованиях советских психологов, проводившихся в 20-х годах в Туркмении, испытуемым предлагалось два вида силлогизмов. В одном случае силлогизмы строились из посылок, в которых испытуемые имели собственный практический опыт, только опыт этот переносился в новые условия. Например: «Там, где жарко и сухо, хорошо растет хлопок; в Англии холодно и сыро; растет там хлопок или нет?»

В другом случае силлогизмы оперировали материалом, в котором испытуемые не имели личного опыта и операции вывода из силлогизма должны были носить чисто теоретический характер. Например: «На дальнем севере, где снег, все медведи белые; Новая Земля находится на дальнем севере. Какого цвета там медведи?»

Испытуемые, живущие в наиболее отсталых условиях (прежде всего женщины-ичкари), отказывались делать какие-либо выводы даже из силлогизмов, относящих к первому виду. Они обычно заявляли, что не бывали в неизвестном для них месте и не знают, растет ли там хлопок. Лишь при продолжении опыта и просьбе ответить на вопрос («что следует из слов экспериментатора?») они соглашались сделать вывод («по вашим словам, должно получиться, что там хлопок расти не может, если там холодно и сыро; когда холодно и сыро, хлопок не растет»).